

Ван Шупин

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА "МАСТЕР И МАРГАРИТА")

Статья посвящена изучению гендерных проявлений эмоций в русском языке на лексическом уровне. В статье рассматривается эксплицирующая эмоции лексика, отражающая гендерные особенности коммуникантов. С опорой на классификацию В. И. Шаховского было выделено три типа лексики, выражающей эмоции человека: лексика, называющая эмоции; лексика, описывающая эмоции; лексика, где сама эмоция не называется, но манифестируется в семантике слова. Материалом для анализа был выбран роман М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 68-71. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, речь кадарского диалекта заметно отличается от других разновидностей даргинских диалектных единиц. Данная дифференциация представляет собой результат тех звуковых процессов, которые имели место в истории кадарского диалекта.

Список литературы

1. Абдуллаев З. Г. Даргинский язык: в 3-х т. М., 1993. Т. I. Фонетика. 187 с.
2. Абдуллаев З. Г., Абдуллаев С. Н. Орфографический словарь даргинского языка. Махачкала, 1978. 134 с.
3. Гасанова С. М. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971. 327 с.
4. Мусаев М.-С. М. Лексика даргинского языка (сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978. 107 с.
5. Темирбулатова С. М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала, 2004. 302 с.

ON SOME PHONETIC PECULIARITIES OF THE KADAR DIALECT OF THE DARGIN LANGUAGE

Vagizieva Naida Arslankhanovna

*Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa
of Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
naida.vagizieva@mail.ru*

The article is devoted to the study and description of some phonetic features of the Kadar dialect of the Dargin language, which is in foreign-language environment and remains little-studied up to date. The research describes the phonetic features, regular and sporadic sound correspondences, sound processes isolating the Kadar dialect from other dialects of the Dargin language.

Key words and phrases: phonetic peculiarities; sound processes; Kadar dialect; labialization; vowels; substitution; metathesis.

УДК 811.161.1'37

Статья посвящена изучению гендерных проявлений эмоций в русском языке на лексическом уровне. В статье рассматривается эксплицирующая эмоции лексика, отражающая гендерные особенности коммуникантов. С опорой на классификацию В. И. Шаховского было выделено три типа лексики, выражающей эмоции человека: лексика, называющая эмоции; лексика, описывающая эмоции; лексика, где сама эмоция не называется, но манифестируется в семантике слова. Материалом для анализа был выбран роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Ключевые слова и фразы: эмоции; гендер; лексические средства репрезентации эмоций; лексика; экспликация; эмоциональная выразительность текста.

Ван Шупин

*Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
wangshuping@mail.ru*

**ГЕНДЕРНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)**

Язык выступает средством передачи собственных мыслей и переживаний, эмоций, мыслей, опыта и мировоззрения. Следовательно, необходимость изучения языкового поведения говорящего, эксплицирующего свое эмоциональное состояние, возрастает. В данной статье особое внимание уделяется актуальной на современном этапе развития лингвистической науки проблеме выявления гендерной составляющей экспликации эмоций в русском языке.

Главная позиция, принятая в статье, такова: эмоциональное поле языковой личности и способы его выражения предопределяются гендерными особенностями коммуникантов.

Лингвистические описания гендера целенаправленно подчеркивают социальные аспекты пола, а также связанные с ним культурные традиции и стереотипы, манифестирующиеся в языке, откладывающиеся в поведении индивида и отражающиеся на его самоидентификации.

Гендерные проявления эмоций в русском языке наиболее частотны в текстах художественной литературы, так как вся художественная литература, по меткому замечанию В. И. Шаховского, – это «депозитарий эмоций» [7, с. 4].

В данной статье гендерные особенности реализации категории эмотивности анализируются на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», одного из популярнейших романов не только в России, но и во всем мире.

Эмоциональная информация в романе выражается единицами всех уровней языка, начиная от фонетических и просодических, заканчивая синтаксическими. Однако первым по значимости является лексический уровень.

При анализе эмотивной лексики, отражающей гендерные особенности коммуникантов, мы используем классификацию, предложенную В. И. Шаховским [7], который выделил три типа лексики, выражающей

эмоции человека: 1) лексика, называющая, обозначающая эмоции (т.е. дающая им имя); 2) лексика, описывающая эмоции и обладающая контекстуальной эмотивностью; 3) лексика, выражающая эмоции, где сама эмоция не называется, но манифестируется в семантике слова, предающей через косвенное обозначение эмоциональное состояние говорящего, его чувственное отражение денотата и переживание этого отражения.

Обратимся к тексту романа «Мастер и Маргарита».

1) Лексика, называющая, обозначающая эмоции.

Лексика, называющая эмоции, несомненно, играет важную роль в создании гендерной характеристики образов романа.

Так, в репликах, произнесенных женщинами, эмоции, как правило, редко называются прямо. Гораздо чаще лексика, называющая эмоции, используется в создании гендерной характеристики мужских образов. Приведем примеры:

«*Остолбнев* от этого слова “Пилатчина”, я развернул третью газету» [2, с. 278].

Лексема *остолбнев* в «Большом толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова отмечена как разговорная форма, имеющая значение «терять способность двигаться, замирать от ужаса, сильнейшего удивления и т.п. (Букв. обращаться в столб)» [1, т. 2, с. 1431]. В анализируемом примере данная лексема эксплицирует эмоцию «удивление».

Важно отметить, что в репликах, произнесенных мужчинами, лексика, называющая эмоции, преобладает над всеми другими лексическими способами передачи эмоционального состояния персонажа.

2) Лексика, описывающая эмоции и обладающая контекстуальной эмотивностью. Данный тип лексики нередко используется М. А. Булгаковым в репликах, произнесенных женщинами. Рассмотрим примеры.

«Она *оскалилась от ярости*, что-то еще *говорила невнятно*. Затем, *сжав губы*, она принялась собирать и расправлять обгоревшие листы <...> ее действия показывали, что она *полна решимости* и что она *овладела собой*» [2, с. 143].

Описывающая эмоции лексика в приведенном примере имеет следующую семантику: *ярость* – «сильный гнев, озлобление» [1, т. 4, с. 1459], *невнятно* – «плохо слышно, неотчетливо» [Там же, т. 2, с. 1281], *сжать губы* – «перен. о выражении недовольства» [Там же, т. 4, с. 235], *решимость* – «смелость, отсутствие боязни в принятии и осуществлении своих решений» [Там же, т. 3, с. 1112], *овладеть собой* – «перен. привести себя в более спокойное состояние» [Там же, т. 2, с. 1401]. Вся эта лексика «работает» на одну цель: показать жесты, мимику, действия героини, громкость произносимого, тем самым передать эмоциональное состояние Маргариты – сначала гнев, а затем спокойствие и решительность.

В репликах, произнесенных мужчинами, также наблюдаются лексемы, которые сами по себе определенных эмоций не несут, но являются вербализацией мимики и жестов героя, которые, в свою очередь, непременно сопровождают конкретную эмоциональную реакцию. Эмоциональное содержание таких единиц проявляется в зависимости от контекста:

«– И вот, – рассказав про происшествие в «Грибоедове», *загрустив и затуманившись*, Иван закончил: – Я и оказался здесь» [2, с. 341].

В данном случае невозможно определить без знания контекста эмотивное содержание единиц *загрустив* и *затуманившись*. Однако в приведенном выше примере в полной мере раскрывается вся гамма чувств, испытываемых персонажем, а в указанных лексемах обнаруживается эмотивное содержание: поэт Иван Бездомный в процессе знакомства с Мастером начинает по-другому смотреть на реальность, дает объективную оценку своему литературному таланту, называет свои стихи «чудовищными» и клянется больше не писать. Из этого можно сделать вывод, что эмоция, которую испытывает поэт после разговора с Мастером, учитывая и то, где происходит разговор, – это «стыд».

Использование в тексте романа лексики, описывающей эмоции и обладающей контекстуальной эмотивностью, соответствует мужскому стереотипу поведения, который предполагает, что мужчина должен как можно более тщательно скрывать свои эмоции и чувства от окружающих.

3) Лексика, выражающая эмоции, где сама эмоция не называется, но манифестируется в семантике слова. Иными словами, эмотивность такой лексики является одной из реализаций семантики слова.

В тексте романа М. А. Булгакова была отмечена лексика, эмотивная семантика которой является дополнительной к основной семантике, т.е. лексика с коннотативным компонентом значения. Разные ученые выявляют разные коннотативные составляющие компоненты категории эмотивности. Например, В. Н. Гридин составляющими категорию эмотивности считает эмоциональный и оценочный компоненты [4, с. 115]; В. Н. Телия – эмоциональность и оценочность [6, с. 109]; Т. В. Матвеева – эмоциональность, оценочность и интенсификацию признака [5, с. 48].

Рассмотрим особенности передачи эмоционального состояния героев с помощью лексики с коннотативным значением в тексте романа.

Наиболее ярким признаком «женского» языка в романе является большая эмоциональность. Именно поэтому лексика, выражающая эмоции, где сама эмоция не называется, но манифестируется в семантике слова, является одним из главных средств выражения женских эмоций в романе «Мастер и Маргарита».

«– Как смела ты, *негодяйка*, коснуться Аркадия Аполлоновича? – грозно спросила супруга Аркадия Аполлоновича, поднимаясь в ложе во весь свой гигантский рост» [2, с. 139].

В Большом толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова лексема *негодяйка* отмечена как бранная форма и имеет значение «подлый, низкий человек» [1, т. 2, с. 1041]. Через семантику слова в данном примере эксплицируется эмоция «гнев».

В другом примере в репрезентации эмоции «презрение» участвуют две лексемы, обнаруживающие в своей семантике отрицательный коннотативный компонент:

«В общем возбужденном говоре, смешках и вздохах послышался мужской голос: “Я не позволю тебе!” – и женский: “*Деспот и мещанин*, не ломайте мне руку!”» [2, с. 136].

Лексема *деспот* отмечена в словаре как книжная, имеющая переносное значение «человек, принуждающий других поступать по его воле, не считающийся с чужими желаниями; тиран» [1, т. 1, с. 461], лексема *мещанин* в данном примере также употреблена в переносном значении «человек с мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором» [Там же, т. 2, с. 988]. В семантике обеих лексем отмечен явный негативный оценочный компонент, который способствует характеристике субъекта и приравниванию его к чему-то низменному, а также приданию речи большей эмоциональности.

В целях реализации категории эмотивности в рассматриваемых примерах актуализируются все проявления эмоционального: эмоциональный объект отражения, само эмоциональное отражение, способ выражения эмоционального.

Главной функцией лексики с коннотативным значением в приведенных выше примерах является способность повышать воздействующую, прагматическую силу языковой единицы, обеспечивая ее эмотивность. И. Е. Герасименко отмечает: «Специфика коннотативной оценки состоит в том, что в ее структуре, помимо дескриптивного и оценочного компонентов, образующих смысловой сплав, имеется еще один аксиологический компонент, выражающий эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому в дескриптивно-оценочной части» [3, с. 106].

Также для выражения эмоций, ощущений, душевных состояний и других реакций, при этом не называя их, героини произведения часто используют междометия:

«– *Ай да крем! Ай да крем!* – закричала Маргарита, бросаясь в кресло» [2, с. 234].

«– *Ах*, какой вы скучный тип, Николай Иванович, – продолжала Маргарита» [Там же, с. 236].

Каждое междометие выражает определенные эмоции, вызванные конкретным эмоциональным состоянием и ситуацией. Например, междометие *ах* указывает на сожаление героини, а междометие *ай* передает эмоции одобрения, удивления.

В создании гендерной характеристики мужских образов романа лексика, эмотивная семантика которой является дополнительной к основной семантике, также участвует, однако, в отличие от «женского» языка, в репликах, произнесенных мужчинами, она представлена незначительно и большей частью в диалогических высказываниях:

«– Таперича, когда этого *надоедалу* сплавил, давайте откроем дамский магазин!» [Там же, с. 67].

«– Да черт их возьми, *олухов!* Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в грузовике!» [Там же, с. 95].

«– Ну, если это так, – бледнея от злости, заговорил финдиректор, – то уж это действительно *свинство*, которому нет названия!» [Там же, с. 163].

В приведенных выше примерах выражены отрицательные эмоции героев-мужчин – «презрение», «гнев». Этому способствуют просторечная, фамильярная форма *надоедала*, отмеченная в «Большом толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова как порицающее или бранное слово [1, т. 2, с. 1321], а также разговорно-сниженные слова *олух*, *свинство*, отмеченные в словаре как бранные, пренебрежительные [Там же, т. 3, с. 248, 1402].

Важно отметить и тот факт, что в репликах, произнесенных мужчинами, лексика с коннотативным значением характеризуется точностью и простотой, например, отсутствуют междометия, так активно употребляющиеся в речи женских образов романа.

Итак, анализ лексического уровня текста романа «Мастер и Маргарита» позволил сделать вывод, что М. А. Булгаков мастерски передает эмоциональное состояние своих героев, в котором проявляются гендерные особенности персонажей.

Так, в создании гендерной характеристики мужских образов используется лексика, отмеченная определенной точностью номинации переживаемых эмоций, уточнением причин экспликации эмоций. Персонажи-мужчины актуализируют собственные эмоции, называя их напрямую, чаще, чем женщины. Использование лексики, описывающей эмоции и обладающей контекстуальной эмотивностью, в репликах, произнесенных мужчинами, также достаточно частотно, так как это отвечает маскулинному стереотипу поведения, который предполагает сдержанность мужчины в проявлении эмоций и чувств.

В создании гендерной характеристики женских образов незначительно используется лексика, называющая эмоции. Установлено, что при речевом взаимодействии женские образы более эмоциональны, но реже эксплицируют собственные эмоции. Более частотно в репликах, произнесенных женщинами, употребление лексики, описывающей эмоции и обладающей контекстуальной эмотивностью. Однако наиболее ярким признаком «женского» языка в романе является использование лексики, выражающей эмоции, где сама эмоция не называется, но манифестируется в семантике слова. Данный тип лексики является одним из главных средств выражения женских эмоций в романе «Мастер и Маргарита».

Также был отмечен более богатый и разнообразный женский эмоциональный тезаурус, не ограничивающийся, в отличие от мужчин, лишь названием эмоции. Необходимо отметить и то, что гендерные проявления эмоций в романе «Мастер и Маргарита» особенно частотны в диалогических высказываниях.

Список литературы

1. **Большой толковый словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935-1940.
2. **Булгаков М. А.** Мастер и Маргарита: роман. М.: Художественная литература, 1988. 399 с.
3. **Герасименко И. Е.** О месте коннотации в типологии аксиологических значений // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия ФН. 2008. № 2 (26). С. 105-108.
4. **Гридин В. Н.** Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 113-119.
5. **Матвеева Т. В.** Экспрессивность русского слова. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2013. 173 с.
6. **Телля В. Н.** Механизмы экспрессивности // Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 108-129.
7. **Шаховский В. И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 190 с.

**GENDER MANIFESTATIONS OF EMOTIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE
(BY THE EXAMPLE OF M. A. BULGAKOV'S NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA")**

Van Shupin

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
wangshuping@mail.ru*

The paper studies the gender manifestations of emotions in the Russian language at the lexical level. The article deals with the vocabulary that explicates emotions and reflects the gender peculiarities of the communicants. On the basis of V. I. Shakhovskii's classification the author singles out three types of the vocabulary expressing human emotions: the vocabulary that names emotions; the vocabulary that describes emotions; the vocabulary in which the emotion itself is not named, but it is manifested in the semantics of the word. As the material for the analysis the author chooses M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita".

Key words and phrases: emotions; gender; lexical means of emotions representation; vocabulary; explication; emotional expressiveness of text.

УДК 811.161.1'37

В статье проводится анализ функционирования субстантиватов на примере российских средств массовой информации (СМИ). Отмечается, что в языке современных СМИ субстантиваты используются в первую очередь с номинативной функцией – для более краткого наименования лица, предмета, явлений действительности. Однако номинативная функция часто сочетается с функцией воздействия, которая проявляется в использовании экспрессивных языковых средств. Особенно характерно сочетание двух функций для языка «женских» журналов.

Ключевые слова и фразы: субстантивация; субстантиват; средства массовой информации (СМИ); номинативная функция; художественная функция; функция стилистической маркированности.

Ван Ян

*Московский педагогический государственный университет
yuiwangyang@mail.ru*

СУБСТАНТИВАЦИЯ В ЯЗЫКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Язык постоянно изменяется и развивается. Одной из наиболее активных тенденций, влияющих на характер изменений в современных языках, является тенденция к экономии языковых средств, связанная с психологическими, ментальными и физическими особенностями языковой личности. Экономия проявляется, в числе прочего, в компрессии (сокращении, уменьшении объема) языковых средств на разных уровнях языка. Одним из проявлений компрессии является субстантивация как «совокупность неоднородных явлений, заключающихся в переходе различных языковых единиц в разряд существительных или употреблении их в роли существительных» [23, с. 8].

Субстантивация как явление языка, выполняющее в его структуре разнообразные функции, используется современной языковой личностью в самых разных сферах и разновидностях русского языка, в числе которых и язык средств массовой информации (СМИ), которые являются наиболее актуальной для современной языковой личности сферой реализации одной из важных черт русского языка – тенденции к экономии языковых средств и, соответственно, компрессии. Слова, которые проходят процесс субстантивации, называют субстантиватами. Язык СМИ достаточно активно изучается современными лингвистами. И. О. Окунева одним